Эпизодъ изъ жизни графа Толя.

Сколько помню, кажется, на слѣдующій годъ назначенія графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія и публичныхъ зданій, онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, откуда желалъ начать свою инспекцію, распространявшуюся на нѣсколько губерній. Не только мѣста его предстоящихъ посѣщеній, но, кажется, даже и самые часы прибытія графа были извѣстны заблаговременно. Пріѣхавъ въ Новгородъ, графъ остановился въ путевомъ дворцѣ. По окончаніи пріема служащихъ и чиновниковъ, графа посѣтилъ его старый другъ, начальникъ первой гренадерской дивизіи, Александръ Петровичъ Бергманъ, съ приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ. Графъ поѣхалъ къ нему въ тряской коляскѣ по улицамъ, вымощеннымъ крупнымъ булыжникомъ, и, по пріѣздѣ къ Александру Петровичу, жаловался на колючую боль въ правомъ боку, до того упорную, что хозяинъ рѣшился послать за мною. Пріѣхавъ къ Бергману, я нашелъ графа сидящимъ въ кабинетѣ и въ дурномъ расположеніи духа. Хозяинъ отрекомендовалъ меня.

— «Извините, что я васъ обезпокоилъ», сказалъ графъ, «но изволите видѣть, въ чемъ дѣло: десять дней тому назадъ, передъ моимъ отъѣздомъ сюда я ушибъ себѣ правый бокъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола, но не обратилъ на это никакого вниманія. На третій день боль до того усилилась, что я почти не могъ дышать и принужденъ былъ пригласить моихъ домашнихъ докторовъ, гг. З** и М***, которые, дня чрезъ два, пригласили и Николая Ѳедоровича Арендта. Они меня подробно освидѣтельствовали и нашли, что бокъ мой сильно ушибленъ; въ предупрежденіе послѣдствій ставили піявки, прописали примочку и, по прошествіи десяти дней, рѣшили, что я здоровъ и могу отправиться въ путь. Дорогой я чувствовалъ себя хорошо, несмотря на усиленную ѣзду; но, пріѣхавъ къ Александру Петровичу по вашей несносной мостовой, съ трудомъ дышу».

— Необходимо освидѣтельствовать ваше сіятельство, замѣтилъ я.

— «Для этого потрудитесь пріѣхать ко мнѣ во дворецъ къ шести часамъ, такъ какъ я здѣсь обѣдаю».

Къ назначенному времени пріѣхали къ нему г. Бергманъ и г. Евреиновъ, если неошибаюсь, адъютантъ графа. При нихъ я посадилъ больнаго на табуретъ, освидѣтельствовалъ грудь, ушибленный бокъ и, послѣ долгихъ манипуляцій, объявилъ, что у него ребро переломлено, а для предупрежденія воспаленія необходимо поставить піявки, даже пустить кровь, такъ какъ графъ тученъ и полнокровенъ.

— «Ни на то, ни на другое я не согласенъ», отозвался онъ, «я уже и такъ много крови потерялъ отъ непріятельскихъ пуль».

Нечего было дѣлать и пришлось мнѣ ограничиться одними примочками, наложить повязку и на-скоро сшитый корсетъ. По окончаніи этой процедуры, я объявилъ, что далѣе ему ѣхать нельзя, а должно, или оставаться здѣсь, въ Новгородѣ, или ѣхать обратно въ Петербургъ.

— «Я этого сдѣлать не могу», отвѣчалъ онъ. «Я имѣлъ счастіе донести государю, что выѣхалъ и поѣду дальше».

— Вы не доѣдете до второй станціи и все-таки должны будете возвратиться въ Петербургъ, возразилъ я.

— «Хорошо, но подумайте, какую вы на себя берете отвѣтственность, ежели ребро непереломлено. По возвращеніи въ Петербургъ, я обязанъ донести военному министру, что единственно по вашему настоянію возвратился».

— Позвольте вамъ еще доложить, что вы не должны ѣхать безъ врача, такъ какъ нельзя ручаться за перемѣну въ дорогѣ.

— «Я васъ съ собою не беру!»

— Какъ вамъ угодно; но отпустить васъ одного было-бы, съ моей стороны, безсовѣстно, и меня могли бы даже подвергнуть законной отвѣтственности. Ежели вамъ неугодно брать меня съ собою, то я все-таки поѣду за вами.

— «Хорошо. Садитесь же со мною въ карету».

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, по крайней мѣрѣ, увѣдомить контору госпиталя, что я уѣзжаю на нѣсколько дней, и попросить жену прислать мнѣ сюртукъ и фуражку. (Я былъ въ парадной формѣ).

Не прошло и получасу, какъ все было готово къ отъѣзду. Графа усадили въ карету и я помѣстился подлѣ него. Дорогою онъ былъ не въ духѣ: молчалъ и сурово глядѣлъ на меня, будто я былъ причиною случившагося съ нимъ несчастія. Мы выѣхали изъ Новгорода передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ чудный... Графъ упорно молчалъ и, сложивъ руки, кажется, молился. Въ Подберезьи (первая станція), благодаря заботливости г. Евреинова, ѣхавшаго впереди насъ, мы нашли лошадей уже выведенными. Пріѣхавъ въ Спасскую Полисть (2-я станція), графъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Г. Европеусъ, мнѣ нехорошо; намъ нужно выйдти».

Съ трудомъ довелъ я его до царскихъ комнатъ и принужденъ былъ перемѣнить перевязку, такъ какъ она высохла и сбилась къ верху. Отправились далѣе.

— «Теперь и я вижу, что безъ васъ мнѣ было бы плохо!»

Это были первыя слова графа, обращенныя ко мнѣ во всю остальную дорогу.

Пріѣздъ нашъ въ Петербургъ, въ шестомъ часу утра, удивилъ всѣхъ домашнихъ графа. Выбѣжала прислуга, выбѣжали чиновники, выбѣжалъ и адъютантъ, жившій въ одномъ домѣ съ графомъ, который строго запретилъ всѣмъ ни слова не говорить графинѣ о его возвращеніи. Меня онъ спросилъ: хочу-ли я ночевать, т. е. отдохнуть у него, или отправиться къ знакомымъ?

— Позвольте узнать, кого изъ врачей вы желаете пригласить на консиліумъ? спросилъ я.

— «Моихъ домашнихъ врачей, гг. З** и М***, и Николая Ѳедоровича Арендта».

— Это очень кстати, такъ какъ моя постоянная квартира, при пріѣздѣ въ Петербургъ, недалеко отъ г. Арендта, такъ что я еще до его выѣзда во дворецъ, т. е. до 8 часовъ, успѣю побывать у него.

Первымъ вопросомъ Николая Ѳедоровича были слова:

— «Какими путями попали вы сюда изъ Новгорода?»

— Я пріѣхалъ съ часъ тому назадъ съ графомъ Толемъ.

— «Какъ, съ Толемъ? Онъ, три дня тому назадъ, отправился на инспекцію».

— Точно такъ; но, пріѣхавъ по тряской мостовой на обѣдъ къ генералу Бергману, графъ почувствовалъ себя такъ нехорошо, что я насилу могъ его уговорить возвратиться къ себѣ въ путевой дворецъ.

— «Скажите пожалуйста, что же такое неожиданное могло съ нимъ случиться?»

— Ребро, которое онъ здѣсь ушибъ, оказалось, при подробномъ моемъ изслѣдованіи, переломленнымъ. Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій, я едва уговорилъ его возвратиться сюда.

— «Вы, кажется, ошибаетесь, г. Европеусъ; я самъ былъ приглашенъ на консультацію и мы нашли только сильный ушибъ. Мнѣ жаль васъ, если вы ошиблись».

Это меня до того раздосадовало, что я необдуманно отвѣтилъ:

— Errare est humanum (ошибки свойственны человѣку). Графъ проситъ васъ назначить время, когда вы можете пріѣхать, чтобы къ тому же времени пригласить другихъ врачей, гг. З** и М***.

Николай Ѳедоровичъ раскрылъ свою записную книжку и, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— «Ранѣе четверти второго я пріѣхать не могу».

Мнѣ оставалось болѣе четырехъ часовъ для представленій по службѣ. Я началъ съ медицинскаго департамента; потомъ былъ у начальника штаба военныхъ поселеній, и наконецъ, явился къ Якову Васильевичу Вилліе. Повсюду одни и тѣ же распросы; повсюду сомнѣнія. Особенно огорчило меня сомнѣніе Якова Васильевича и его предсказаніе на случай ошибки:

— «Вы знаете, какое я всегда бралъ въ васъ участіе и потому прошу заѣхать ко мнѣ послѣ консиліума; мнѣ самому любопытно узнать, чѣмъ это все кончится, и кто правъ, кто виноватъ».

За полчаса до времени, назначеннаго Николаемъ Ѳедоровичемъ, я пріѣхалъ къ графу и замѣтилъ въ пріемной двухъ господъ, говорившихъ между собою по-нѣмецки. Одинъ изъ нихъ, кажется г. З**, узнавъ во мнѣ военнаго врача, обратился съ вопросомъ:

— «Вы, кажется, докторъ, пріѣхавшій съ графомъ изъ Новгорода?»

— Къ вашимъ услугамъ.

— «Скажите пожалуйста, что такое случилось съ графомъ, что вы принудили его возвратиться сюда?»

— Я нашелъ у него переломъ ребра, ушибленнаго здѣсь двѣ недѣли тому назадъ. Оставаться въ Новгородѣ графъ не желалъ и потому я былъ принужденъ сопровождать его сюда.

— «Будто вы не могли найдти другой причины, чтобы побудить графа возвратиться! Мы (показываетъ на товарища) лечили графа, и эта исторія можетъ повредить нашей репутаціи».

— Мнѣ до вашей репутаціи дѣла нѣтъ; я поступилъ по совѣсти и удивляюсь, что вы, какъ домашніе врачи, не понимаете упрямаго характера графа, такъ какъ я, даже по такой важной причинѣ, едва могъ уговорить его возвратиться.

Заслышавъ мой голосъ, графъ пригласилъ меня въ кабинетъ. Я засталъ его въ креслахъ и онъ сурово сказалъ мнѣ:

— «Вотъ, видите, г. Европеусъ, врачи, которые меня пользовали, увѣряютъ, что ребро вовсе не переломлено.

Это заявленіе до того меня озадачило, что я спросилъ графа: развѣ они васъ свидѣтельствовали?

— «Нѣтъ, но, по наружному осмотру, утверждаютъ, что перелома нѣтъ».

— Ну, слава Богу! подумалъ я и вышелъ въ пріемную, чтобы небезпокоить графа распросами и дождаться Николая Ѳедоровича. Сильно было мое безпокойство: что если Арендтъ скажетъ, что ребро не переломлено, а только вдавлено, или ушиблено; что это поврежденіе, при удобной повязкѣ, не помѣшало бы графу продолжать путь... Вскорѣ Николай Ѳедоровичъ пріѣхалъ, поздоровался со мною и пошелъ въ кабинетъ, пригласивъ меня за собой. Задыхаясь отъ волненія, я разсказалъ ему весь фактъ внезапнаго нездоровья графа и моего освидѣтельствованія.

Желая освидѣтельствовать графа, Николай Ѳедоровичъ позвалъ въ кабинетъ и домашнихъ врачей. Принесли табуретъ изъ писарской комнаты; паціента

раздѣли, и я началъ снимать повязку, т. е. корсеты, компрессъ, бинты и проч. Смотря на это, Николай Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ, что, судя по перевязкѣ, онъ заключаетъ, что я дѣйствительно принялъ ушибъ ребра за переломъ и съ видомъ знатока принялся за манипуляцію: подробно выслушалъ грудь, тщательно изслѣдовалъ поврежденное мѣсто и, послѣ долгаго раздумья, объявилъ графу, что ребро дѣйствительно переломлено и что моя настойчивость спасла больнаго отъ опасныхъ послѣдствій. Я ожилъ и графъ взглянулъ на меня уже другими глазами.

— «Нужно перемѣнить перевязку», сказалъ мнѣ Николай Ѳедоровичъ, «прикажите камердинеру подать холстъ и все необходимое».

— Ничего этого не нужно, потому что у меня все приготовлено.

Тутъ я принесъ свой узелъ съ компрессами, бинтами и т. д. Николай Ѳедоровичъ взглянулъ на меня, засмѣялся: «видно, что военный врачъ!»—и наложилъ новую повязку.

Много-ли найдется подобныхъ врачей, которые, въ ущербъ своей репутаціи, готовы спасать честь товарищей? Но покойный Арендтъ былъ отраднымъ исключеніемъ, всегда дѣйствуя честно и человѣколюбиво. Миръ праху этото друга человѣчества и добрая память заслуженному врачу! Да послужитъ его поступокъ примѣромъ для врачей новаго поколѣнія, слишкомъ часто жертвующихъ интересами науки расчетамъ личнаго самолюбія.

Распростившись съ Николаемъ Ѳедоровичемъ и со всѣми домашними врачами, графъ попросилъ меня остаться, подалъ мнѣ руку, со слезами на глазахъ благодарилъ за услугу, извиняясь въ недавней непривѣтливости.

— «Подождите, пожалуйста», сказалъ онъ, «я хочу познакомить васъ съ моимъ семействомъ».

Онъ позвонилъ и приказалъ камердинеру попросить графиню въ кабинетъ. Я былъ ей представленъ. И она, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, благодарила меня, говоря, что иначе съ графомъ и поступать нельзя было. Видя, что я тороплюсь, она простилась со мною, приглашая на слѣдующій день къ чаю. Я извинился, отговариваясь тѣмъ, что сегодня же вечеромъ долженъ возвратиться въ Новгородъ. Графъ взялъ съ меня слово бывать у него каждый разъ, когда мнѣ случится пріѣзжать въ Петербургъ; я далъ слово и былъ ему вѣренъ. При первомъ же моемъ пріѣздѣ, графъ пригласилъ меня на чай и доставилъ случай познакомиться съ его семействомъ. Какъ-то разъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, я не посѣтилъ графа за недосугомъ, и онъ, проѣзжая чрезъ Новгородъ, пригласилъ меня къ себѣ и выговаривалъ, въ присутствіи приближенныхъ, что такъ добрые знакомые не поступаютъ. Я извинялся, обѣщая загладить мою вину.

Отъ графа я отправился къ Якову Васильевичу Виллie и передалъ ему все; онъ, казалось, былъ видимо доволенъ, что я оказался правъ. Вечеромъ того же дня ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ графа и вручилъ конвертъ съ подорожною и прогонными деньгами съ излишкомъ. На другой день я уже былъ въ Новгородѣ и первый мой визитъ былъ къ генералу Бергману, какъ другу графа. Онъ очень мнѣ обрадовался, тѣмъ болѣе, что рекомендовалъ меня больному.

Не могу и не долженъ я обвинять въ небрежности именитыхъ врачей, до меня пользовавшихъ графа. По моему мнѣнію, при ушибѣ ребра, на немъ образовалась незначительная трещина, при тучности графа незамѣтная. Окончательному перелому въ подтреснутомъ мѣстѣ ребра, безъ сомнѣнія, поспособствовала ѣзда графа въ безпокойномъ экипажѣ по тряской мостовой.

Не упомню, въ которомъ именно году, пріѣхавъ въ Петербургъ, я явился къ Якову Васильевичу Виллie.

— «Все-ли у васъ благополучно?» спросилъ онъ.

— Слава Богу: больныхъ мало, повальныхъ болѣзней нѣтъ, смертность незначительна.

— «А у насъ. въ Петербургѣ, не все благополучно: denn Petersburg ist ohne Essen und Kleinmichel ist Toll geworden (ибо Петербургъ остался безъ Эссена и Клейнмихель сдѣланъ Толемъ). Для поясненія каламбура, замѣчу, что, при буквальномъ переводѣ фамилій, фраза эта выражаетъ: Петербургъ остался безъ ѣды, а Клейнмихель — взбѣсился. Виллie повторялъ этотъ каламбуръ и другимъ, являвшимся къ нему, врачамъ.

Сообщ. **И. И. Европеусъ.**